

уже не соха, а тяжелый колесный плуг, запряженный двумя парами волов или быков.

Тем не менее, с VI по IX в. можно обнаружить заметный прогресс в сельском хозяйстве, обусловленный главным образом переходом от рабовладельческой к крепостнической форме эксплуатации. Зерновые культуры становятся гораздо более разнообразными, широко распространяются технические растения, виноградники, огороды и фруктовые сады, развивается скотоводство и птицеводство. При крупных поместьях появляются водяные мельницы, постепенно вытесняющие ручной помол зерна. Только не следует преувеличивать значение этого медленного прогресса. Условия существования для трудовых масс продолжали оставаться тяжелыми на всем протяжении этого периода. Почти не бывало года, чтобы в какой-нибудь области засуха, наводнения, нашествия грызунов, саранчи и других вредителей не уничтожали частично либо полностью посевов. Но и в благополучные годы урожай был очень низкий: сам-полтора, сам-два. При полном отсутствии запасов у крестьян и при почти полной разобщенности отдельных районов, голодовки были обычным явлением. Неизбежными спутниками голодных годов являлись эпидемии тифа, оспы, чумы, косившие главным образом трудовое население. Наконец, массы чрезвычайно страдали от кожных болезней, для которых антисанитарные условия жизни создавали самую благоприятную почву.

§ 3

Город и городское население в эпоху Меровингов и Каролингов. Монастыри, их роль как центров материальной и духовной культуры складывающегося феодального общества. Сен-галленский монастырь. Быт и нравы монастыря и окружающего мира. Ремесло и художественное ремесло. Строительная техника и архитектура. Торговля. Дороги и транспорт. Итоги роста материальной культуры.

В то время как поместья превращаются, как мы видели, в самодовлеющие ячейки экономической жизни, города, уцелевшие от разгрома V—VI вв., окончательно утрачивают значение торгово-промышленных центров. Объединения торговцев и ремесленников («коллегии») позднеимперской эпохи исчезают; императорские мастерские, или как их называли «мануфактуры», прекращают свою деятельность; городские рынки пустеют. Население городов падает до ничтожной цифры — 1000—1500 душ. Застроенная площадь города уменьшается по сравнению с римским временем в десятки раз. Разительным примером может служить город южной Галлии Арль, который весь уместается на площади амфитеатра древнеримского города. Значение городов как административно-политических центров также сходит на-нет. Варварские короли в большинстве случаев предпочитают жить не в городах, а в своих поместьях. Правда, город нередко является резиденцией графов и епископов, но последние, превращаясь в самостоятельных феодальных сеньеров, делят и его территорию, и его население между собой. При этом торговцы и ремесленники оказываются на положении крепостных (сервов), обязанных, подобно крестьянам, барщиной и оброками своим сеньерам. Горожане и по своим занятиям перестают резко отличаться от поместного крестьянства. Земледелие и скотоводство в их хозяйственной деятельности начинают играть значительную роль. Из описаний современников мы узнаем, что в пределах города находятся поля и огороды, что скот на ночь загоняется внутрь городских стен. Только в Италии и немногих пунктах на побережье Средиземного моря сохранились специфические черты городской жизни; в остальной Европе различие между городом и деревней стирается и вся экономика приобретает чисто аграрный характер.

Место городов в качестве своеобразных центров материальной и духовной культуры занимают в этот период монастыри. Число их возрастает с большой быстротой. В одной лишь Галлии в течение VI в. было основано 228 монастырей, а к концу X в. их насчитывалось уже 1108. Это явление тесно связано с распространением христианства среди варваров.

В V в. варвары, вторгавшиеся в Римскую империю, относились к господствующей церкви враждебно, видя в ней орудие императорской власти. Если они и принимали христианство, то только в форме арианства — «еретического» учения, приверженцев которого и официальная церковь и римское государство подвергали ожесточенным гонениям. Организуя свою арианскую церковь, варвары тем самым противопоставляли себя не только римской церкви, но и римскому государству и его господствующему классу. Но с гибелью Империи на Западе и с ее ослаблением на Востоке такая политика утратила для варваров всякий смысл, и они смеяют арианство на католичество. Франки в Галлии и англо-саксы в Британии обратились сразу из язычества в католицизм, но это было уже в конце V и в VI в., т. е. после падения Западной империи. Излишне говорить, что для варварских королей принятие христианства было чисто политическим актом. В лице католического духовенства они приобретали могущественного союзника, облегчавшего им укрепление и дальнейшее распространение их власти. Особенно активную помощь в этом отношении оказывала римская церковь франкам. В частности, завоевание Германии франкскими королями, подчинение ее племен игу феодальной эксплуатации проходило в теснейшем сотрудничестве с церковью. Знаменитый Бонифаций, распространявший христианство в Германии, и миссионеры — его помощники — выполняли как бы функции разведчиков: за попами следовало франкское войско. Христианство и франкское владычество шествовали рука об руку. Опорными пунктами для того и другого являлись монастыри.

Монастыри создавались обычно в чащах лесов, на «пустых» землях, принадлежавших родовым и племенным союзам варваров-язычников. Их основатели всегда заботились о том, чтобы они занимали выгодное географическое положение, как это было, например, при закладке Фульдского монастыря самим Бонифацием. Захватывая общинные земли, монастыри способствовали разложению, а затем и закреплению общины. Но, вместе с тем, монастыри являлись и прогрессивным фактором: их деятельность приобщала самые глухие районы к культурной жизни того времени.

Культурная роль ранних монастырей была обусловлена трудовым характером монашеских коллективов, состоявших в то время преимущественно из людей несвободного происхождения. Монахи обязаны были, согласно уставу, работать на земле не менее 6—7 часов в день. Они постоянно носили за поясом серп, как знак их обычных занятий. Фульдские монахи подавали жалобы церковным соборам, что их истомляют чрезмерной работой. Монахи вновь осваиваемых монастырей расчищали леса, осушали болота, возделывали поля, разбивали сады и огороды, строили здания. Монастыри распространяли сохранившиеся элементы античной агротехники, плодовые деревья, цветы, лекарственные растения и пр. В языках всех европейских народов сохранились следы греко-римского происхождения насаждавшихся ими культур (фрукты, каштан, персик, роза, лилия, фиалка, редис, салат, огурец и т. д. — все это латинские, отчасти греческие слова).

Позже, в IX и особенно в X в., монастыри утрачивают свой прежний трудовой характер и все более превращаются в чисто паразитические организации. Среди самих монахов происходит расслоение на аристократию, в лучшем случае занимающуюся только умственным трудом, и монаше-

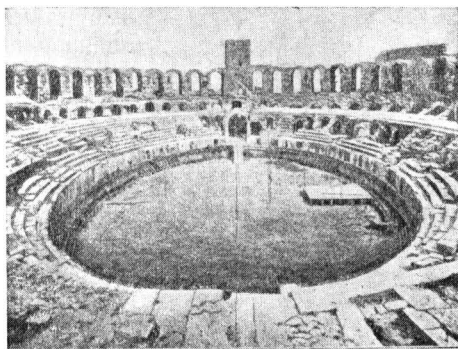
ские низы («конверсы»), выполняющие черную работу. Еще чаще монахи оставляют за собою только функции управления своим хозяйством, и вся без исключения работа перекладывается на крепостных и на монастырскую челядь. В монастырях раннего периода существовала суровая дисциплина. За малейшее нарушение правил монахов секли розгами; 6 ударов полагалось за кашлянье во время пения псалмов, за разговор во время обеда, 10 ударов за стук ножом по тарелке и т. д. Но в IX—X вв. дисциплина почти всюду ослабела, многие монастыри превратились просто в вертепы пьянства и разврата. Женские монастыри в этом отношении значительно опередили мужские. Уже в VIII в. Бонифаций различал две категории проституток: монахинь и мирянок.

Попутно следует отметить, что нравы белого духовенства были еще хуже. Сведения о разгуле и порочности попов относятся ко всему периоду. У писателя VI в., Григория, епископа Турского, читаем, что епископ Евлогий допился до белой горячки; что у мощей «святого» Мартина устраиваются попойки; что епископ Суассонский «от безмерного пьянства лишился рассудка». Мы находим у него рассказ о двух епископах, закадычных друзьях, которые оба были пьяницы, обжоры, убийцы, любители сражений и тонкие ценители женщин. А спустя 200 лет Бонифаций пишет папе Захарию: «В большинстве городов епископские кафедры переданы мирянам, падким до наживы, или клирикам, занимающимся блудом...

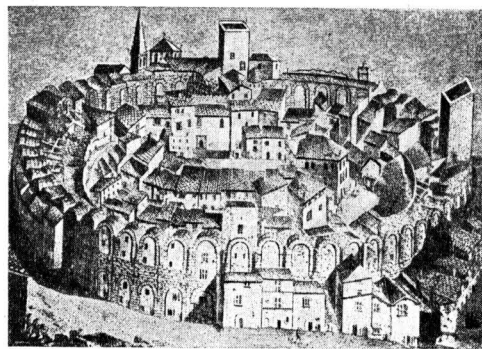
Есть и такие епископы, которые отличаются пьянством, невежеством, любовью к охоте и участием в сражениях». Бонифаций жаловался также папе на пристрастие попов к женскому полу, на что получил в 743 г. такое указание: «клирики не должны иметь одновременно более одной жены».

Монастыри стали на путь разложения значительно позже белого духовенства, и этим объясняется, что они до этого успели сыграть значительную культурную роль. Чтобы познакомиться с ними ближе в лучший период их деятельности, мы остановимся на одном монастыре, Сен-галленском, в Швейцарии. До нас дошел план этого монастыря, составленный около 820 г. и позволяющий составить себе представление о монастырском хозяйстве. В связи с этим будет рассмотрен и круг вопросов, относящихся к быту и материальной культуре общества той эпохи в целом.

На плане мы видим 40 строений, расположенных на площади около 120 га. В центре находится церковь с различными пристройками. У главного входа в нее две хорошо укрепленные башни, игравшие роль также сторожевых вышек, а вся площадь

Римский амфитеатр города Арля (Южн. Франция)

Тот же амфитеатр, застроенный и обращенный в укрепленный город в средние века

Франкский пехотинец X в.
Шахматная фигура времен
Карла Великого

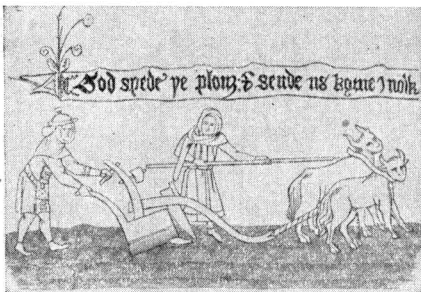
монастыря обнесена высокой стеной и защищена рвом. Монастырь был настоящей военной крепостью. Монастырю приходилось обороняться и от вражеских набегов (норманнов в IX в., венгров в X в.) и от собственных крепостных, которые в IX—X вв. особенно часто восставали против феодального гнета. Здесь же изготовлялось и оружие, жили военные люди. Оружие предназначалось, вероятно, и для продажи. Франкские мечи славились и на Востоке. В каролингскую эпоху техника оружейного дела усовершенствовалась. Например, щиты делают уже не из досок, а из кожи, прикрепляя в самых ответственных местах металлические бляхи, назначение которых — принять прямой удар и сделать его скользким. Однако металла было еще очень мало. Горное дело и выплавка металла из руды едва зарождается и носит даже в IX в. еще самый примитивный характер. Ремесло оружейника еще не дифференцировано; почти все делает один кузнец.

Поэтому само оружие стоит дорого.

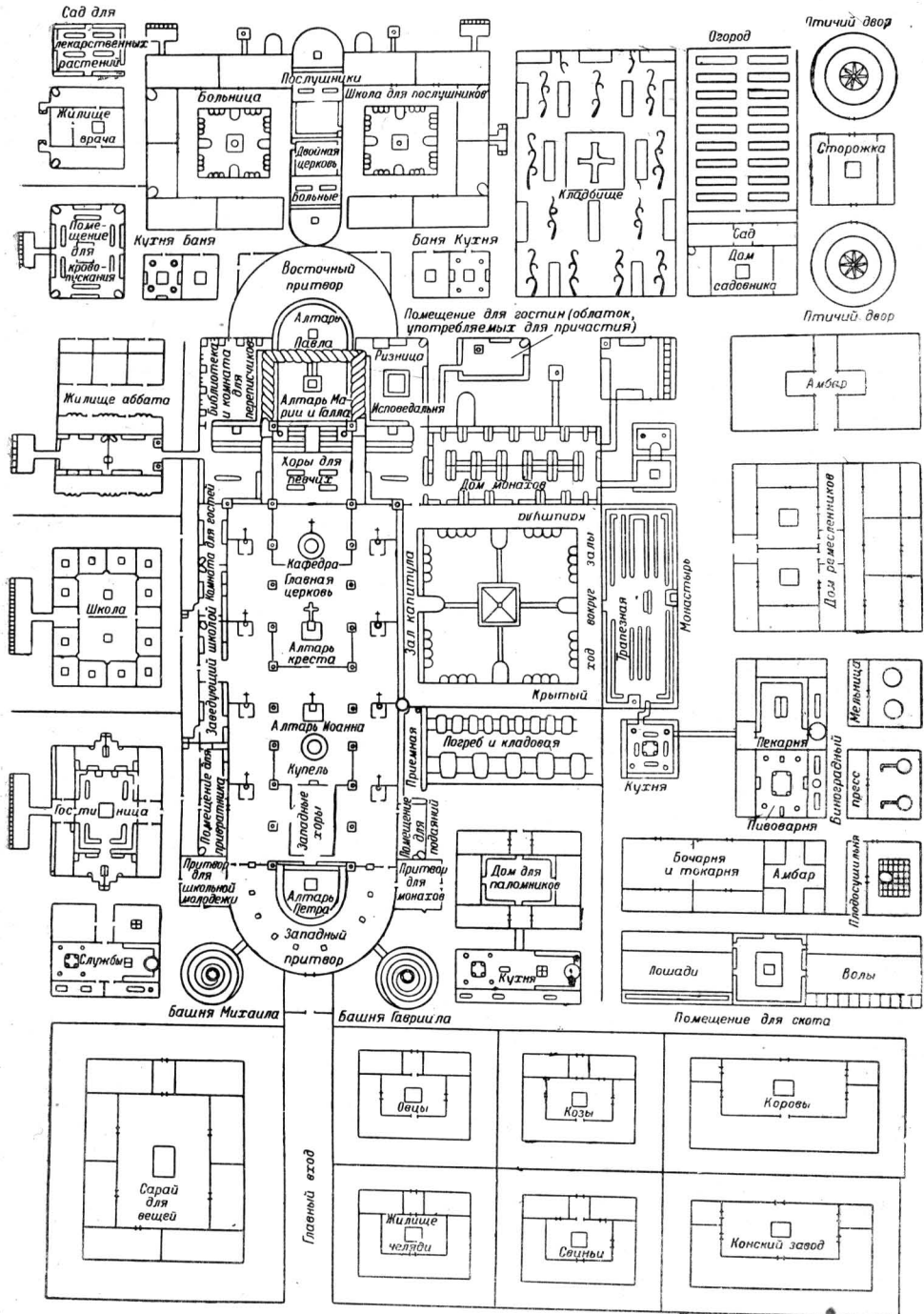
Справа от церкви находится зал капитула, место монастырских собраний. К этому зданию примыкает столовая. Еда занимала важное место в жизни монастыря. Недаром на плане четыре здания отведено под кухни. Уставы требовали от монахов воздержания, запрещали мясные блюда, но все эти запреты давно не выполнялись. Монахи, как и светские феодалы, не проявляли умеренности в еде. У них было волюю птицы (гусей и кур), мелкого и крупного скота. Строения, где содержались и откармливались животные, занимают на плане значительное пространство. Монахи же возродили к жизни и рыбки садки. Они первыми стали заводить пруды с зеркальным карпом и другой рыбой. Коровник обеспечивал их молочными продуктами, мельница и пекарня — мукою и хлебом, плодовый сад, расположенный на территории кладбища, и огород — плодами и овощами.

К обеду подавалось несколько блюд, главным образом мясных, и за столом, как и у светского сеньера, засиживались долго. Еду брали из общей посуды прямо руками: вилки не были известны до XVI в. Мясо разрезали ножом, который у каждого имелся за поясом. Обильную еду запивали большим количеством вина или пива. Каждый монах получал в день около литра вина и вдвое больше пива. Монастырь имел свою пивоварню, свой виноградный пресс и свою бочарню. Вблизи трапезной находится обширное здание: все подвальное помещение занято здесь бочками и бочонками с напитками; выше хранятся запасы других продуктов.

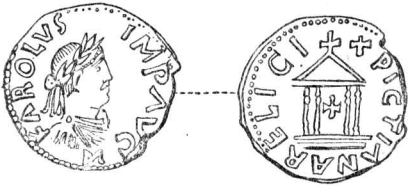
С другой стороны здания капитула находится дом монахов с общей спальней. Это единственное помещение, которое отапливалось. Спали монахи одетыми, но миряне, начиная с крестьян и кончая королями, ложасть в постель, раздевались до нага. В эпоху Каролингов уже появляются перины и пуховые подушки,

Англо-саксонский крестьянин пашет плугом. Миниатюра X в.

План Сен-галленского монастыря

Серебряный денарий эпохи
Карла Великого

которые у наиболее богатых феодалов сменили прежние меха и шкуры.

Вблизи спальни—маленькое и низкое помещение для бани и прачечной. Здесь всего два котла, мало воды, и это на многие десятки человек! Заботой о чистоте тела монахи отличались еще меньше, чем другие слои населения. Монашеские уставы разрешают омовение тела только два раза в год — на рождество и

на пасху; лицо мыли не чаще раза в неделю. К этому нужно прибавить, что шерстяную рубашку, которую носили в качестве нижнего белья, уставом разрешалось стирать раз в 15 дней, а фактически делалось это еще реже. Недаром Маркс всюду, где он в своих «Хронологических выписках» упоминает какого-либо монаха, неизменно присоединяет слово «вонючий». Впрочем, светские сеньеры, которым не мешали никакие уставы, тоже позабыли обычай омовения в горячих римских банях. Заботиться о своей чистоте европейские феодалы научились, как и многому другому, на Востоке, в период Крестовых походов (XII—XIII вв.)

Близко от главного входа, по обим сторонам церкви, расположены два здания для приезжающих: одно для «благородных» и богатых, другое для бедных паломников. Крупный монастырь являлся центром политической жизни. Здесь любили останавливаться короли и знатные сеньеры, сюда приносили странники со всех концов страны сплетни и слухи; монахи были всегда прекрасно осведомлены о том, что происходит во внешнем мире. Поэтому летописи, или анналы, составлялись главным образом в монастырях. Самые важные источники для знакомства с политической жизнью каролингского времени — это анналы Фульдского и Бертинского монастырей, записки Сен-галленского монастыря и многие другие, носящие название тех монастырей, где они были написаны.

У монастыря была своя больница и своя «аптека», где были собраны лекарственные травы и растения, выращиваемые тут же, в особом саду. Знаниями по медицине и ветеринарии обладали в то время только монахи. Но заразные больные не были изолированы, и зараза гуляла во-всю. Особенным бичом на протяжении всего средневековья была проказа, поражающая почти исключительно бедных. Для прокаженных устраивались особые убежища, лепрозории, число которых к XIII в. в одной Франции достигало двух тысяч, но и этого количества далеко не хватало. Проказа, как массовое заболевание, исчезает только в середине XVII в.

Одно из наиболее крупных зданий монастыря отведено для ремесленников. До развития городского ремесла в X—XI вв. монастыри являлись наиболее крупными центрами ремесленного производства. Здесь сохранялись некоторые традиции античной ремесленной техники, угасшие в городах, и даже существовали ремесленные школы. Монастыри привлекали часть своих крепостных к занятию ремеслом, освобождая их от некоторых повинностей. Особенно развитие получает в монастырях производство предметов роскоши и церковной утвари: резьба по кости, дереву, камню и металлу, ювелирное дело, производство расшитых золотом и серебром тканей. Эти отрасли

Заглавная буква из рукописи
времен Карла Великого

художественного ремесла, рассчитанные на очень ограниченный круг потребителей—церковь и верхушку господствующего класса,—обнаруживают в каролингскую эпоху значительный прогресс по сравнению с грубыми изделиями меровингского времени. На них сильно сказались влияние Византии и арабского Востока, различными путями проникавшее в государство франков. Это влияние, равно как и вообще стиль каролингского художественного ремесла и искусства лучше всего прослеживается на миниатюрах, заставках и других украшениях рукописных книг этой эпохи. Переписывание книг и их украшение было сосредоточено исключительно в монастырях. На плане Сен-галленского монастыря мы видим двухэтажное здание, верх которого предназначен для библиотеки, а низ служит «писарней», или — по-латински — «скрипториум». Здесь несколько монахов пишут за своими попитрами или конторками под диктовку одного чтеца (диктора). Многие монастыри славились своими скрипториями, где издавались книги в нескольких экземплярах. В Ленинградской публичной библиотеке имеется большая коллекция книг, «изданных» знаменитым скрипториум Корбийского монастыря во Франции. В раннее средневековье собрание книг в 200—300 названий уже составляло обширную библиотеку. Такие библиотеки имелись только при монастырях. Некоторые епископы и светские феодалы иногда заказывали ту или иную книгу переписчику, но это обходилось очень дорого. Известны случаи, когда за хорошо украшенную книгу отдавали целое поместье со всем инвентарем и крепостными крестьянами.

Книги переписывались на пергаменте, специально обработанной коже животных. В меровингскую эпоху материалом для письма, как и в древности, еще служил папирус, который доставлялся в Европу из Египта. Но в VIII в. папирус окончательно вытесняется пергаментом, который стоил значительно дороже, но зато лучше выдерживал испытания времени. Когда в XII в. проникла в Европу с Востока бумага, то и после этого пергамент оставался долгое время основным материалом для письма. Окончательно он был вытеснен бумагой лишь после изобретения книгопечатания, в XV в., да и то не сразу. Каролингские рукописи замечательны не только своими украшениями и ярко раскрашенными миниатюрами, но и очень четким, красивым почерком. Это — так называемый каролингский минускул, который — через почерк эпохи Возрождения — лег в основу начертаний современных латинских букв. По содержанию книги были, естественно, религиозного характера, но в каролингскую эпоху переписывалось немало и светских книг, особенно произведения античных поэтов и историков. Значительная часть литературного наследия античности — опять-таки через посредство рукописей эпохи Возрождения — дошла до нас благодаря каролингским переписчикам.

Некоторые из рассмотренных зданий — церковь, зала капитула и др. — выстроены из камня. Техника строительства вообще несколько улучшилась по сравнению с VI—VII вв. Свет проникает уже не через отверстия в крыше, а через прорезанные в стенах окна, правда, еще незастекленные, а закрывающиеся досками, либо материей. Стекла в домах начинают появляться только с XI в. Дома кроют уже не только соломой и камышом, но иногда и тесом, черепицей, даже пластинками меди, цинка и олова. Отверстие для выхода дыма прикрывают от дождя особым навесом. На плане Сен-галленского монастыря кое-где намечены уже печные трубы, но только они стоят вне здания и соединены особым ходом с помещением, где имеется очаг. Двери, еще очень низкие, иногда обиты металлом; глинобитные полы покрываются плетенками из соломы, стены — тканями. Признаком прогресса является и то, что научились строить здания в два этажа. Но строят еще плохо. Случаи обвала зданий не-

Типичная ирландская миниатюра VII—VIII вв.

некоторым, правда, еще очень незначительным оживлением торговли. В период варварских завоеваний и при Меровингах как внутренняя торговля, так и торговые связи с другими странами сократились до минимума. Сухопутные дороги пришли в полный упадок и сделались опасными для проезжающих, моря кишели пиратами. Немногие сирийские и еврейские

Орнамент из меровингской рукописи первой половины VIII в.

купцы с большим риском для жизни привозили с Востока предметы роскоши и вывозили из франкской монархии рабов, меха, кожи, но вся эта торговля была случайной, несистематической.

Что касается каролингской архитектуры, то она не представляет ничего оригинального. Большинство церквей продолжают строить по плану римской базилики. Но появляются и церкви иного типа. Так, Аахенская капелла Карла Великого, единственный сохранившийся до нашего времени образец каролингского зодчества, сооружена по плану византийской восьмиугольной купольной церкви св. Виталия в Равенне (VI в.). Дворец Карла Великого, выстроенный в том же Аахене, являлся подражанием дворцу остготского короля Теодориха, в Равенне. Архитекторы Карла заимствовали в Италии не только планы, но и вывозили отсюда целые части зданий: колонны, скульптурные украшения и пр. Архитекторами являлись преимущественно монахи или другие лица духовного звания.

Каролингская эпоха отмечена также внутренним обмен носил натуральный характер: это был обмен непосредственно между производителями продуктов. Варварские «правды» даже не знают купца как представителя особой профессии и не уделяют торговле почти никакого внимания. Меровингские короли продолжали еще чеканить по римскому образцу золотую монету, но она внутри страны хождения не имела, служа только для измерения стоимости и для накопления сокровищ. Уплата вергельда, пошлин и налогов фактически производилась не деньгами, а скотом, зерном или другими продуктами. Начиная с VIII в. здесь обнаруживаются некоторые перемены. Усиливается движение по рекам и дорогам, появляются мелкие странствующие купцы, развозящие на вьючных животных заморские товары—

редки. Во время одного из таких обвалов едва не погиб сын Карла Великого.

дорогие ткани, украшения, драгоценные камни, жемчуг, пряности, слоновую кость и пр. В местах богомолья, главным образом при монастырях, где собирается много всякого народа, возникает оживленный торг, зарождаются ярмарки. Но торговля в основном — мелочная.

Карл Великий устанавливает серебряную монетную единицу — денарий, что свидетельствует о стремлении приблизить монету к практическим потребностям обмена; издает законы об охране и поддержании дорог и мостов; стремится ограничить ростовщичество. В VIII—IX вв. церковные соборы неоднократно выносят постановления, запрещающие духовным лицам занятия торговлей и ростовщичеством; следовательно, в эти занятия втягиваются уже различные элементы франкского общества, которые соперничают с иностранцами. Однако эти сдвиги сами по себе слишком ничтожны, чтобы нарушить натуральный характер всей экономики. Денег еще очень мало, и они редко служат средством обмена. Законы о дорогах выполнялись плохо, и средств для их ремонта и содержания в порядке не хватало. Даже такая задача, как постройка большого моста, оказалась Каролингской империи не по силам. Десять лет строили деревянный мост через Рейн, а когда он сгорел и Карл Великий затеял постройку каменного моста, то из этого ничего не вышло. Точно так же полной неудачей закончилось другое предприятие Карла — соединение Рейна и Дуная каналом.

Помимо дорог, развитие торговли тормозилось младенческим состоянием транспорта. Телеги были тяжелые, на массивных колесах из сплошного дерева (спицы и железный обод, облегчившие вес колеса, появились позднее); упряжь самая примитивная. Такие телеги требовали большого количества тяговых животных, на них трудно было перебраться через рывину, выкарабкаться из грязи. Для переброски кладей на большие расстояния пользовались рабами и вьючными животными, но для тяжелых грузов такой способ не годился. В этом отношении речные пути представляли значительные преимущества; такие товары, как вино, хлеб, металлы, перевозили главным образом по рекам. Но и эти перевозки оставались очень ограниченными: они шли только по большим рекам Галлии и Южной Германии, притом главным образом вниз по течению, а не в обратном направлении.

Около середины IX в. обширное государство Карла Великого распадается на части (Франция, Германия, Италия), идет ожесточенная борьба между различными группами феодалов, начинаются опустошительные набеги норманнов из Скандинавии, сарацин (арабов) из Северной Африки, позже — венгров из Паннонии. Не только торговля снова замирает, но и вообще развитие хозяйства приостанавливается. Начинается период так называемой феодальной анархии, один из самых мрачных периодов истории феодальной Европы.

Тем не менее, пять веков существования варварского государства для развития материальной культуры не прошли бесследно. Некоторые, хотя и очень скромные успехи, достигнутые в области хозяйства и социальных отношений, прочно вошли в жизнь и сделались предпосылками дальнейшего (XI—XV вв.). Античное рабство исчезло, уступив место крепостническим отношениям; тем самым был открыт путь для известного роста производительных сил. Благодаря вековым усилиям трудящихся масс, возделанные поля появились там, где прежде были девственные леса и болота. Принесенная варварами общинная организация даже в своей крепостнической форме и в рамках феодального поместья сохранила способность сплачивать крестьян для сопротивления феодальной эксплуатации. Христианская церковь, эта опора феодалов и одно из мощных орудий классового угнетения, содействовала общему подъему благодаря тем элементам

античной цивилизации, которые она сохранила и распространила по всей Европе с помощью своих учреждений и особенно с помощью монастырей. Наконец, развитие ремесла и торговли в крупном поместье, при всей ограниченности поля их деятельности, подготовило почву для второго, по выражению Энгельса, великого общественного разделения труда — для отделения ремесла от сельского хозяйства и возрождения в XI—XII вв. городов как торгово-промышленных и культурных центров.

§ 4

Исчезновение школ и всеобщая неграмотность в VI—VII вв. Отношение церкви к светской образованности. Григорий Турский и папа Григорий «Великий». «Этимологи» Исидора Севильского. Бѣда. Житийная литература и господство грубых суеверий. «Каролингский Ренессанс» в литературе и школьном образовании. Заботы Карла Великого о просвещении. Алкуин и его ученики. Дворцовая школа. Характер преподавания, учебники. Церковная реакция против светского образования при преемниках Карла Великого. Музыка раннего средневековья. Григорианский хорал.

Духовная культура в варварском государстве также начинает очень медленно развиваться. Уже в последние века Римской империи обнаруживается упадок школ и, в связи с этим, исчезновение простой грамотности. В конце V в. Цезарий, епископ Арльский, отмечает, что в Провансе, на юге Галлии, даже крупные купцы не умеют читать и писать. После варварских завоеваний положение еще более ухудшилось. Варварская знать относилась к образованию с презрением. Когда внука остготского короля Теодориха начали обучать грамоте, то готская аристократия воспротивилась этому. «Дело гота, — заявили ее представители, — владеть не пером, а мечом». Короли варваров даже не умели подписать своего имени. Образование становится монополией духовенства, которое по самому роду своей деятельности не могло обходиться без грамоты. Недаром слово клирик, т. е. духовное лицо, в средние века было синонимом грамотного человека, хотя бы он был фактически мирянином. Однако и среди духовенства, особенно низшего, грамотность, не говоря уже о более высокой образованности, становится все более редким явлением. Изучение «семи свободных искусств» исчезает почти повсеместно. Григорий Турский, потомок галло-римских сенаторов, жаловался в VI в. на «гибель наук» и невозможность отыскать во всей Галлии учителей «тривия» и «квадривия». Сам Григорий в своей «Церковной истории франков» обнаруживает слабое знакомство с литературным языком и упрекает самого себя в незнании грамматики. «Невежда и глупец, — пишет он о себе, — ты не умеешь различать роды и каждый раз употребляешь женский вместо мужского, и наоборот; ты неправильно употребляешь предлоги и смешиваешь винительный падеж с творительным».

Иначе и не могло быть, поскольку высшие руководители церкви в VI—VII вв. всю свою энергию направляли на искоренение остатков светской языческой образованности. Папа Григорий «Великий» занимался уничтожением языческих памятников, сжег императорскую библиотеку в Риме, запрещал чтение языческих поэтов и осыпал горькими упреками одного епископа, который осмелился кого-то обучать грамматике. «Известие об этом поступке, — писал он этому епископу, — произвело на нас очень тяжелое впечатление. Если вы докажете, что не занимаетесь вздорными светскими науками, то мы будем прославлять господа нашего». Через полтора года после этого «апостол Германии» Бонифаций донес папе Захарию, что Зальцбургский епископ, следуя Мартиану Капелле и древним авторам, учит о существовании антиподов, т. е. о шарообразности земли.